

ФРОНТОВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

В фондах Порховского краеведческого музея сохранились интересные воспоминания участников Великой Отечественной войны, принимавших участие в боевых действиях как на территории Псковской земли, так и за её пределами. Большинство из них никогда не публиковались и не использовались исследователями в своих работах. Среди рукописей несомненный интерес представляют фронтовые воспоминания лейтенанта медицинской службы Демьянова Константина Петровича, малой родиной которого является Порховский район. Стремясь к объективности и беспристрастности, автор воспоминаний не даёт оценок конкретным людям или событиям, ограничиваясь, порой, сухим изложением последовательности явлений своей жизни. По всей видимости, К. П. Демьянов в годы войны вёл дневник, на основании которого по прошествии лет и писались воспоминания, содержащие точные названия населённых пунктов и даты военных операций, вплоть до часа их начала. Фронтовые воспоминания написаны живым и интересным языком, богаты описаниями маленьких бытовых деталей, позволяющих представить жизнь человека на войне. Однако они не лишены стилистических повторов и незначительных фактических неточностей, характерных любой мемуаристке.

В 1999 г. воспоминания были переписаны Главным хранителем Порховского краеведческого музея Н. И. Михайловой и дополнили его фонды (Ф. 16-1 НВФ 3502). Текст воспоминаний и комментарии к нему подготовлены к публикации старшим преподавателем кафедры русской истории ПсковГУ М. В. Васильевым.

Фронтовые воспоминания участника Великой Отечественной войны Демьянова Константина Петровича

Идут годы, всё меньше остаётся фронтовиков Великой Отечественной войны. С каждым прожитым годом ранения и кон-

тузии, полученные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, ухудшают наше здоровье. Поэтому приветствую инициативу Порховского краеведческого музея по сбору воспоминаний о пройденном фронтовом пути у участников войны. Лучше поздно, чем никогда. Итак, поехали!

Окончив Старорусскую среднюю школу № 2 в июне 1941 года, я по направлению военкомата был направлен на учёбу в Ленинградское военно-медицинское училище им. Щорса, которое окончил в июне 1942 года в городе Омске, куда переехало училище¹. В результате чего блокады Ленинграда мы избежали. 2 июня 1942 года был произведён выпуск курсантов, которым присваивалось звание лейтенанта медицинской службы с направлением на фронт. Я попал на Западный фронт Калининской области в город Кувшиново. На фронт поезда шли очень быстро, и мы с группой выпускников-офицеров остановились в этом прифронтовом, очень грязном городке. Там нас направили в медицинско-санитарный батальон, где после сортировки я был направлен в 373 стрелковую дивизию 1237 стрелкового полка на должность командира санитарного взвода. И вот с этим санитарным батальоном мы приехали в город Вышний Волочёк² на формирование дивизии, которое происходило недалеко от этого города в лесу. Поступал в основном разнонациональный личный состав, в основном узбеки, казахи, туркмены и другие нерусские народы, в то время как офицерский состав — русские, в результате чего мы ни «бельмеса» не понимали этих солдат. Нам пришлось искать из них тех, кто хоть немного знал русский язык и в дальнейшем с переводчиками осваивать язык своих подчинённых. Строили лёгкие землянки, шалаша и готовили солдат к боевым действиям, учили стрелять и оказывать первую медицинскую помощь раненым. Особенно запомнилось то, как мы принимали пищу. У нас стояли невероятных размеров два котла, в которых с утра и до вечера варилось варево.

Котлы 3 метров высоты и в диаметре такие же. Управлялись с ними несколько поваров, перемешивая пищу большими деревянными лопатами. Крупы туда засыпались целыми мешками, а картошку чистили целыми батальонами. Чай кипятился в походных кухнях.

Закончилось формирование наших частей в сентябре 1942 года. В эти сентябрьские дни полился дождь, грязь была по колени. Мы тронулись в составе дивизии из лесу по шоссе в направлении фронта. Прошли пешком около 300 км, так как в то время только в хозяйственном взводе были лошади, которые возили полевые кухни, продукты питания и боеприпасы. Мы же, санитарный батальон, в это время всегда находились около линии фронта во втором эшелоне, соблюдая маскировку. Останавливались на одном месте не более одного — двух дней, строили и укрепляли полосу обороны, рыли траншеи. Мелькали названия калининских деревень, в которых с наступлением зимы мы дислоцировались. В д. Пески Калининской области мы остановились на неделю и затем получили приказ выдвигаться на передовые позиции. Путь наш проходил среди болот и озёр, в результате чего нашу дивизию прозвали болотно-лесной. Больше всего на Западном фронте мне запомнилось постоянное движение. Нас постоянно передвигали, с левой линии фронта передвигали на правую, затем в центральную его часть. Отдыхали в дневное время, а ночью марш-броском перебирались на другой участок обороны. Доходило до того, что некоторые засыпали на ходу, отключаясь на мгновение. В пути не курили, шли молча, каждый из нас чего-то ожидал. Это томительное чувство встречи с врагом лицом к лицу было невероятно тревожное. Убитых и раненых было очень мало, однако в летнее время были случаи отравления грибами мухоморами среди узбеков и казахов. Из-за того, что останавливались мы всегда в лесу, нерусские национальности никогда не видевшие таких красивых грибов, употребляли их в пищу, слегка поджарив на костре. Приходилось проводить длительные разъяснительные беседы.

Встреча нового 1943 года была на Калининском фронте. Мы заняли оборону около деревни Введенье и утром готовились к про-

рыву немецкой линии. В этом бою я получил первое настоящее боевое крещение. После артподготовки из всех имеющихся орудий личный состав батальона с криками «Ура!» прорвали немецкую линию обороны и взяли д. Введенье. После боя поле, по которому мы наступали, было усеяно телами убитых. Под пулемётным обстрелом мы оказывали первую помощь раненым, вывозя их в полковые медицинские пункты. Так как немец активно оборонялся, нам пришлось закрепиться за деревней Урдом и готовиться к последующему штурму³. В этих боях было очень много убитых и раненых, и все из-за того, что боец, получивший тяжёлое ранение, собирал вокруг себя кучу других бойцов, начинались причитания на национальном языке, а немцы в эту «кучу» отправляли один-другой снарядик или мину и из-за одного раненого сразу появлялось большое количество раненых и убитых. Закрепившись за деревней, мы вырыли окопы и траншеи, установили огневые точки по всему фронту обороны. В одном из сохранившихся домов я организовал батальонный медицинский пункт. В 100 метрах от немецких окопов, под визг пуль и снарядов, мы оказывали помощь тяжелораненым. Легко же раненые самостоятельно добирались до специального места, обозначенного красным крестом.

За домом, где располагался наш санитарный пункт, была трофейная землянка, оборудованная по всем правилам немецкой педантичности. В этой землянке разместился санитарный взвод соседнего батальона. Наш дом закрывал её от пуль и осколков, долетавших с вражеской стороны. Так вот, при очередном вражеском артобстреле один из снарядов угодил точно в эту землянку — весь взвод погиб. Подумать только, — снаряд перелетел наш дом, не задев его, и попал точно в цель. Видимо немцы знали точные координаты своих землянок. И стоило ли нам так опасаться пуль и снарядов, когда человеческие жизни прерывались так моментально по воле случая? Сразу вспоминается другой случай. Просыпаюсь я ранним утром, а в этом доме нет никого кроме раненых. Спрашиваю — где санитары? Раненые отвечают, что ночью был артобстрел — все разбежались. В результате чего мне приходилось собирать

по лесу свою команду и давать соответствующую «накачку» наиболее трусливым.

В этих боях я был легко ранен, осколком разорвавшейся мины мне повредило левую голень. В полковом медицинском пункте осколок мне удалили, и после перевязки я вновь вернулся в свой санитарный взвод. После этих боёв нас отвели на отдых и пополнение своих поредевших рядов. Расположились мы в каком-то лесу, соорудив примитивные шалаши. Новое пополнение поступало в основном из русских парней, только что призванных в армию. Отдых длился недолго, уже через неделю, ранней весной 1943 года наш батальон сменил потрепанные в боях передовые части, заняв оборону возле высот «Жёлтой» и «Зелёной». По данным разведки и информации, полученной от пленных, противник готовился к атаке. В целях опережения и перехвата стратегической инициативы, нам был поставлен приказ начать наступление на сутки раньше немецкого. Ранним утром был нанесён удар из всех видов орудий, первоначально по немецкой линии обороны, а затем огонь перенесли и вглубь обороны. В этом артобстреле, который длился 6 часов, участвовали и «Катюши», оказывающие мощное воздействие на психику человека. И вновь под крики «Ура!» мы пошли в атаку на немецкие позиции. Под огнём врага мы вытаскивали раненых, накладывали шины, пытались организовать пункты сбора для тяжелораненых. Неоднократно мы брали передовую линию обороны, но немцы выдавливали нас и мы вновь были вынуждены отступать. Неоднократно пребывая во вражеских окопах и землянках, многие из нас набрали большое количество «немецких» вшей, которые нам изрядно мешали и, к тому же, разносили различные заболевания.

Намного позже мы узнали, что наше наступление было тактически продуманной задачей — оттянуть силы немцев на этот участок. А основной прорыв обороны был совершён под Витебском. В этих боях за успешное и умелое оказание медицинской помощи раненым я был награждён своей первой медалью «За боевые заслуги». После многодневных боёв и мы, и немцы перестали атаковать и закрепились на тех позициях, откуда и началось наше первое наступление. Перейдя

к позиционной войне и немного расслабившись, я стал чувствовать себя больным. И уже 28 марта 1943 года меня под руки довели до полкового медицинского пункта, где терапевт признал у меня грипп. Однако через два дня, заметив неестественные гриппу симптомы — высокую температуру и бред меня, направили в санитарный батальон, что в 5 км от передовой. Здесь я в бреду, без сознания пролежал 13 суток — у меня был признан сыпной тиф тяжелой формы. На 13 сутки я очнулся. Оглядевшись, я увидел, что вокруг меня на носилках лежали одни смертники, к которым отнесли и меня. Я тогда подумал, что хорошо хоть не похоронили раньше времени. Санитары, увидев, что я кручу головой, перенесли меня в палату, где я вновь потерял сознание. Последующие дни я постепенно вспоминал, кто я и как здесь оказался. Затем, набравшись сил, стал вновь учиться ходить. Для дальнейшего накопления сил меня направили в госпиталь для легко раненых, расположенный в деревне Мочалино Смоленской области.

После выздоровления меня направили для дальнейшего прохождения службы в составе 306 СД 992 СП. Так я всю войну и прошагал в пехоте. Через лесные массивы, речушки и поля, с вещевым мешком за плечами пришлось мне пешком идти в свой батальон, который к тому времени стоял в обороне и готовился к наступлению на хорошо укрепленные позиции противника у села Рибшево⁴. После артподготовки наш полк пошёл в атаку. Выбив немцев с первой траншеи, атака захлебнулась из-за вражеского ДОТа. Атакующие залегли. Залегших бойцов поднимал в атаку лично командир 992 СП — полковник Демин. В результате долговременная огневая точка врага пала, но и полковник был убит во время атаки⁵. Не минула смерть и наш санитарный взвод. Были убиты один санинструктор и два санитаря. Я отделался контузией средней тяжести. Но само Рибшево было взято, а за этот бой 306-й СД было присвоено звание «Рибшевской»⁶.

Стояло лето 1943 года. Мы находились в обороне — и фрицы, и мы пристреливались к позициям друг друга, не совершая никаких активных действий. Раненых было мало, в результате чего работы у нас практически не

было. Зато у нас появились бойцы-самострелы, причём это были не единичные случаи. Командование дивизии быстро отреагировало на это явление, да ещё как! Об этом нигде не писали ни в годы войны, ни после её окончания. Была выбрана большая лесная поляна, на которую собрали почти всю дивизию. Вывели трёх «самострельщиков», зачитали приговор военного трибунала. Далее последовала команда «кругом» — все повернулись. Раздались винтовочные выстрелы — приговор был приведён в исполнение. Я и сейчас с содроганием вспоминаю этот печальный случай. После этого происшествия нас сняли с этого места обороны, и мы маршем в ночное время перешли на новый участок, который располагался между городами Витебск и Орша. Передняя линия обороны нашего батальона приходилась напротив станции Старое село, где немецкие позиции располагались в 1 км от нас. Строили землянки, рыли траншеи. Немец по нашей обороне сильно лупил. Особенно много раненых и убитых было после разрыва снаряда «Андрюша»⁷. Яма от разрыва этого снаряда была 3 метра в глубину и 5 метров в диаметре. Так погиб весь взвод минометчиков, когда мы примчались туда, то оказалось, что помогать было некому...

В такой активной обороне мы простояли 6 месяцев, за время которых меня наградили орденом «Красной Звезды» — за оказанную медицинскую помощь и вынос 20 раненых с поля боя. А вот своего 21-го раненого бойца я спасти не смог. По-пластунски подполз к нему, спрашиваю: «Куда ранен?». Отвечает — «В ногу». Я разрезал одежду на правом бедре и стал перевязывать рану. А сам думал, как же я его поташу, ведь боец был достаточно крепкого телосложения. Я тогда ещё не знал, что этот участок простреливался снайпером. Вдруг слышу какой-то щелчок и вижу, что у моего раненого голова прострелена навывлет. Я в ужасе, во весь рост помчался, петляя, к своим окопам, в результате чего снайперу не удалось прицельно выстрелить. Во время этого бега до своих окопов я получил лёгкое ранение в кисть левой руки, между большим и указательным пальцами. Меня перевязали, и через два дня отдыха я снова вступил в строй. Это было второе моё ранение.

В начале 1944 года Калининский фронт значительно продвинулся вперёд к границе Прибалтийских республик. Наш стрелковый батальон двигался строем вперёд, а санитарный взвод замыкал колонну идущих. Таков был устоявшийся порядок движения. Так мы дошли до деревни Белановичи Витебской области и заняли оборону, сменив какую-то потрепанную воинскую часть. Немецкие траншеи от наших располагались всего в 500 метрах. Иногда немцы нам кричали: «Рус, слушай музыку! Расцветали яблони и груши» и начинали отстукивать эту мелодию из ручного пулемёта. Но пули летели не по нашей траншее, а намного выше. А как они играли на губных гармошках — заслушаешься! Вскоре у станции Сиротино немецкая линия обороны была прована, и мы продолжили наступление. В это время у нас появились первые лошади, и работать стало значительно легче. Мы неудержимо с мелкими боями продвигались вперед, пополнение получали прямо на ходу, чтобы не позволить противнику закрепиться на новых рубежах. В это время я был награждён вторым орденом «Красной Звезды». Так с боями мы подошли к городу Лепель на границе с Прибалтикой и вступили в состав Первого Прибалтийского фронта. В городе Лепель уцелело много немецких складов: винных, продовольственных и обувных. Наши вояки, естественно, накупились на ёмкости с вином и водкой. Пришлось выставлять часовых и наводить порядок. Выйдя на Литовскую границу, мы стали очень быстро продвигаться, теперь немцы стали очень быстро отступать, иногда с такой скоростью, что нам было за ними не угнаться. Где-то с ходу принимали бой, опрокидывали врага и двигались дальше. У санитарного взвода в это время было немного работы. Однажды во время боя, оказывая помощь раненому, я попал в окружение. Даже заметить не успел, как наши войска отступили обратно к своим позициям. Поднимаю голову и вижу немцев. Хорошо, что я заранее оттащил раненого в канаву, благодаря чему нас и не заметили. Мы притаились и только к ночи выбрались к своим. Многие впоследствии удивлялись моему появлению, считая меня уже убитым.

С боями мы подошли к городу Шауляй и заняли позиции на его окраине. Медицин-

ский пункт оборудовали в одном из домов, расположенном практически на передовой. В первую же ночь, как только мы легли отдохнуть, немецкий снаряд пробил наш дом насквозь и разорвался на улице. К счастью, все остались живы и здоровы. Ранним утром мы увидели, как мимо нашего медпункта по дороге на Шауляй на полном ходу шла танковая рота. Мы попытались докричаться до них, что в городе немцы и на его окраине стоят «Тигры», но безуспешно. Наши танкисты даже не обратили на нас внимания. Обратного не вернулся ни один танк. Только в медпункт было доставлено несколько раненых танкистов из этого взвода. Из их рассказов стало ясно, что они получили приказ ехать в Шауляй, который, якобы, уже освобожден нашими войсками. На самом же деле мы ещё только готовились к штурму города, выявляли огневые точки и укрепления противника. С заместителем комбата К. Варфоломеевым мы забрались на стог сена и в бинокли наблюдали за передним краем немецкой обороны. Помню, что стояло очень жаркое лето, а мы сверкали своими биноклями на солнце, в результате чего немцы нас заметили и стали обстреливать с «Фердинанда». Первый снаряд до нас не долетел, а второй перелетел наш стог сена, третий же выстрел немецких танкистов был точным, и снаряд попал аккуратно под основание стога. Зам. комбата только чиркнуло осколком, а меня тяжело ранило в правое лёгкое. Это было 28.07.1944 г. На следующий день меня на подводе отправили в медицинский санитарный батальон, располагавшийся в селе Рокшикие (Литовская ССР), где мне сделали операцию⁸. Врачи подарили мне на память удалённый осколок с половиной мизинца величиной. Всех тяжелораненых, в том числе и меня, погрузили на машины и перевезли на железнодорожную станцию для отправки санитарным эшелоном дальше в тыл. Прощай, передовая! Однако в тыл мы добирались черепашью ходом. Ещё в пути моя рана начала заживать, благо перевязки мне делали каждый день. Через 10 дней наш санитарный эшелон прибыл в город Уфа, где я залечивал своё ранение в течение трёх месяцев.

В этот период вышло постановление Правительства о предоставлении всем тяже-

лораненым после лечения месячного отпуска. И я в начале ноября 1944 года отправился в Порхов, где проживала моя мать. Через месяц меня направили на медицинскую комиссию при военкомате, по результатам которой мне продлили отпуск ещё на месяц. Встретил новый 1945 год я в Порхове, а на следующий день Порховский военкомат дал мне направление вновь на Первый Прибалтийский фронт. Но где он располагался на тот момент, никто не знал. В результате мне пришлось сначала ехать в Ленинград, где точного адреса мне тоже не дали и сказали: расположен где-то около Риги. Через день я отправился в направлении фронта через Псков и Остров. В небольшом литовском городке я нашёл санитарный отдел Первого Прибалтийского фронта, где получил назначение в 122 стрелковую дивизию. Правда, в санитарном отделе мне предлагали занять должность писаря, но я наотрез отказался, душа моя рвалась на передовую. Здесь я узнал, что был награждён орденом «Отечественной войны» II степени за бесстрашие и отвагу за Шауляй. С группой офицеров, которые также направлялись в 122 СД, мы доехали до города, в котором она располагалась. Я получил назначение в 140 стрелковый полк командиром санитарного взвода. На тот момент наш батальон стоял в обороне по реке Неман. В одну из ночей нам стало известно, что противник отступил без боя. Так как было начало весны, и лёд на реке был ещё достаточно крепкий, мы перешли по нему на другой берег. И вот она — немецкая территория! Наш батальон тогда постоянно находился во втором эшелоне, вступая в бои с отдельными, разрозненными группами немцев. Раненых было мало, а убитые практически отсутствовали. Шёл завершающий период Великой Отечественной войны. Чтобы непосредственно подойти к Кенигсбергу, нашим войскам необходимо было провести крупную наступательную операцию. Началось наступление 13.01.1945 г. и, сломив упорное сопротивление, 18 января нам удалось прорвать вражескую оборону севернее Эльбинга и к 29 января выйти к побережью Балтийского моря. За эти зимние бои наши войска закончили окружение Кенигсбергской группировки немецких войск. Штурм Кенигсберга начался 6 апреля 1945 года в 6 часов

утра. Несмотря на массированную артподготовку, гитлеровцы оборонялись с отчаянием обречённых. Наш батальон непосредственно в передовых боях не участвовал, осуществляя поддержку в обще-наступательной операции. 9 апреля наши войска полностью окружили кенигсбергский гарнизон немцев, вынудив их на безоговорочную капитуляцию. Весь личный состав, принимавший участие в штурме и взятии Кенигсберга, был награждён медалями «За взятие Кенигсберга» от 10 апреля 1945 года.

После проведённых боев за Кенигсберг мы получили пополнение, двинулись вперёд и в 20-х числах апреля вышли к заливу Фрише-Нерунг, где располагался последний оплот немцев на Балтийском море⁹. Мы готовились к взятию порта Пиллау (г. Балтийск), однако немцы успели вывести свои корабли. Вот у этого города рано утром 2 мая 1945 года я услышал весть о победе наших войск над гитлеровской Германией.

*Воспоминания написаны со 2 марта
по 30 апреля 1999 г.*

Примечания

- ¹ Приказом Реввоенсовета СССР № 967 от 21 сентября 1925 г. в г. Ленинграде при Военно-медицинской академии была открыта школа старших лекарьских помощников, в январе 1936 г. переименованная в Ленинградское военно-медицинское училище, а в 1941 г. ему было присвоено имя Николая Александровича Щорса. В годы Великой Отечественной войны в связи с угрозой блокады Ленинграда и необходимостью дальнейшей подготовки медицинских кадров, училищу в полном составе было предписано эвакуироваться в город Омск. Первый эшелон прибыл в г. Омск 21 августа 1941 г., а вслед за ним — ещё три эшелона. 28 августа 1941 г., т. е. через неделю после прибытия первого эшелона, училище приступило к занятиям. С 1941 г. были пересмотрены учебные программы и училище переведено на ускоренный курс обучения. Первый крупный выпуск училища после передислокации в Омск состоялся 2 июля 1942 г. в количестве 544 военных фельдшера. Всего по ускоренной программе за период с 1942 по 1945 гг. было выпущено 3820 военфельдшеров и 321 зубной врач (Информация официального сайта Омской государственной медицинской академии: Страницы истории Ленинградское военно-медицинское училища имени Н. А. Щорса в годы Великой Отечественной войны // [Электронный ресурс]: URL: <http://omsk-osma.ru/uchebnoe-upravlenie/kolledzh/istoriya-kolledzha> (дата обращения: 27.06.2014 г.)
- ² Вышний Волочёк — город в Тверской области, расположенный в 119 км к северо-западу от Твери.
- ³ Деревня Урдом расположена в Оленинском районе бывшей Калининской, а ныне современной Тверской области. До наших дней дошли воспоминания артиллериста батареи 45-мм пушек 373-й стрелковой дивизии А. К. Окорочова, раскрывающих последовательность боя у деревни Урдом в конце 1942 г. В этой же дивизии служил и сам автор публикуемых мемуаров К. П. Демьянов. Т. к. эти материалы дополняют картину происходящего в указанном районе боевых действий, приведем в сокращении воспоминания А. К. Окорочова. «18 ноября [1942 г.] командующий 39-й армией генерал-лейтенант Зыгин А. И. приказал комдиву 373-й с. д., полковнику Сазонову начать подготовку к проведению Урдомской наступательной операции... Урдомская наступательная операция за время войны, пожалуй, была единственной, в которой мы имели достаточно времени на подготовку. В ходе её мы практически отработали все элементы к прорыву обороны противника, и все это без спешки. Урдом — большая деревня в Оленинском районе Калининской области, расположенная на высоте, господствующей над долиной реки Молодой Туд. Занимая деревню и высоту с отметкой 290,0, фашисты просматривали часть полосы обороны 39-й армии, подступы к её переднему краю, а также пути подхода с тыла. Кроме того, противник на этом участке имел плацдарм на северном берегу реки Молодой Туд. Чтобы сковать войска противника, улучшить тактические рубежи нашей обороны на этом участке, командующий 39-й армией поставил перед 373-й дивизией задачу прорвать оборону немцев и овладеть Урдомом. Кроме улучшения тактического положения обороны, захват Урдомы и высоты 290,0 давал возможность нам просматривать и держать под артиллерийским огнём лежащую параллельно линии фронта рокадную дорогу Ржев — Оленино — Бычевка, используемую противником. По глубине обороны противника имела три ярко выраженных рубежа с опорными пунктами, частично соединёнными между собой траншеями и ходами сообщения. Подступы к опорным пунктам противник заминировал и частично прикрыл проволочными заграждениями... Задача дивизии — прорвать оборону врага на рубеже Тронино, Сельцо-Доброе, Первомайское, сходу форсировать реку и при поддержке танков,

- а также артиллерии овладеть деревней Урдом. В 8 часов 45 минут [25 ноября] артиллерия открыла огонь... Обе дивизии, наша и 135-я, продвигались по сходящимся направлениям в район Урдома. Оставив Поздняково и Линёво, противник отошел в Лисино. Оборона Урдома строилась на создании в деревнях опорных пунктов с круговой защитой. Таких пунктов, прикрывающих Урдом, перед нами оставалось два — Брюханово и Лисино... Так как Урдом находился на скатах высоты выше Лисино, мы с наших наблюдательных пунктов его не просматривали. По данным нашей разведки, в деревне имелись дзоты и даже доты нашей постройки 1941 года с амбразурами, обращёнными на запад и юго-запад. Мы наступали с севера, но не исключалось, что противник их приспособил для стрельбы против нас. Забегая вперёд скажу, что, к счастью, наши опасения не оправдались. Доты там действительно были, но на другом рубеже и только один с амбразурами на восток и запад находился в центре Урдома против нас. В ночь на 29 ноября 1942 года мы вели ожесточенные бои за овладение Урдомом. Не снижая темпа наступления, части дивизии продолжали продвигаться к центру села, уничтожая сопротивляющихся фашистов. После артналета на Урдом, когда огонь фашистов ослаб, что было примерно в два часа ночи, подразделения 1237-го с. п. ворвались в центральную часть деревни, а 1235-го с. п. — на её северо-восточную окраину. Таким образом, Урдомская наступательная операция, продолжавшаяся непрерывно четверо суток, закончилась. Наша дивизия выполнила поставленную ей боевую задачу». (*Окорков А. К.* Миргородская дивизия. На Калининском фронте // [Электронный ресурс]: URL: <http://xn--80af2bm2d.xn--p1ai/literatura/44-mirgorodskaja-trizhdy-ordenonosnaja/318-mirgorodskaja-divizija-na-kalininском-fronte> (дата обращения: 01.07.2014 г.)
- ⁴ Указанная операция у села Рибшево проходила с 13 по 15 августа 1943 г., потери противника в этой операции составили убитыми более 1 000 человек. Потери наших сил составили 563 человека. 992 с. п. 306 с.д.
- ⁵ Возможно, автор мемуаров ошибается относительно смерти командира 922-го стрелкового полка, полковника Демина Ефима Степановича, т. к. в книге А. Я. Арсеньева и А. П. Арсеньевой «Псковичи — Герои Советского Союза», вышедшей в свет в 1983 г., приводится отрывок документа, в котором полковник Демин представляется к званию Героя Советского Союза старшего сержанта Д. П. Панова. Описываемые события в наградном листе датируются командиром 992-го полка 24 июня 1944 г., что значительно позже событий Рибшевской операции.
- ⁶ 306-я стрелковая дивизия получила название Рибшевской Приказом Верховного Главнокомандующего 19 сентября 1943 г. (Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сборник. М., 1975. С. 39–41).
- ⁷ Когда во второй половине 1943 г. немецкая армия практически на всем советско-германском фронте перешла к тщательно оборудованной и глубоко эшелонированной обороне, мощности знаменитых советских «Катюш» для разрушения оборонительных сооружений стало не хватать. Тогда были приняты срочные меры для создания многозарядной самоходной пусковой установки под имеющиеся 300-мм фугасные снаряды. Такая установка получила обозначение БМ-31-12, а по аналогии с «Катюшей» ее прозвали «Андрюшей». Автор мемуаров в данном случае допускает неточность, транслируя русское название на немецкую технику. Скорее всего, речь идёт о 158-мм германском буксируемом реактивном миномёте Nebelwerfer, имеющем схожие тактико-технические характеристики с отечественными образцами (*Широкопад А. Б.* Пусковые установки для реактивных снарядов М-20, М-30, М-31 // Энциклопедия отечественного реактивного оружия 1817–2002 гг. М., 2003. С. 41–43).
- ⁸ Возможно, речь идёт о небольшом городке Рокишкис (лит. Rokiškis), который был освобождён 31 июля 1944 г. войсками Первого Прибалтийского Фронта в ходе Шяуляйской операции.
- ⁹ Морская десантная операция на косу Фрише-Нерунг была проведена советскими войсками 26 апреля 1945 г.